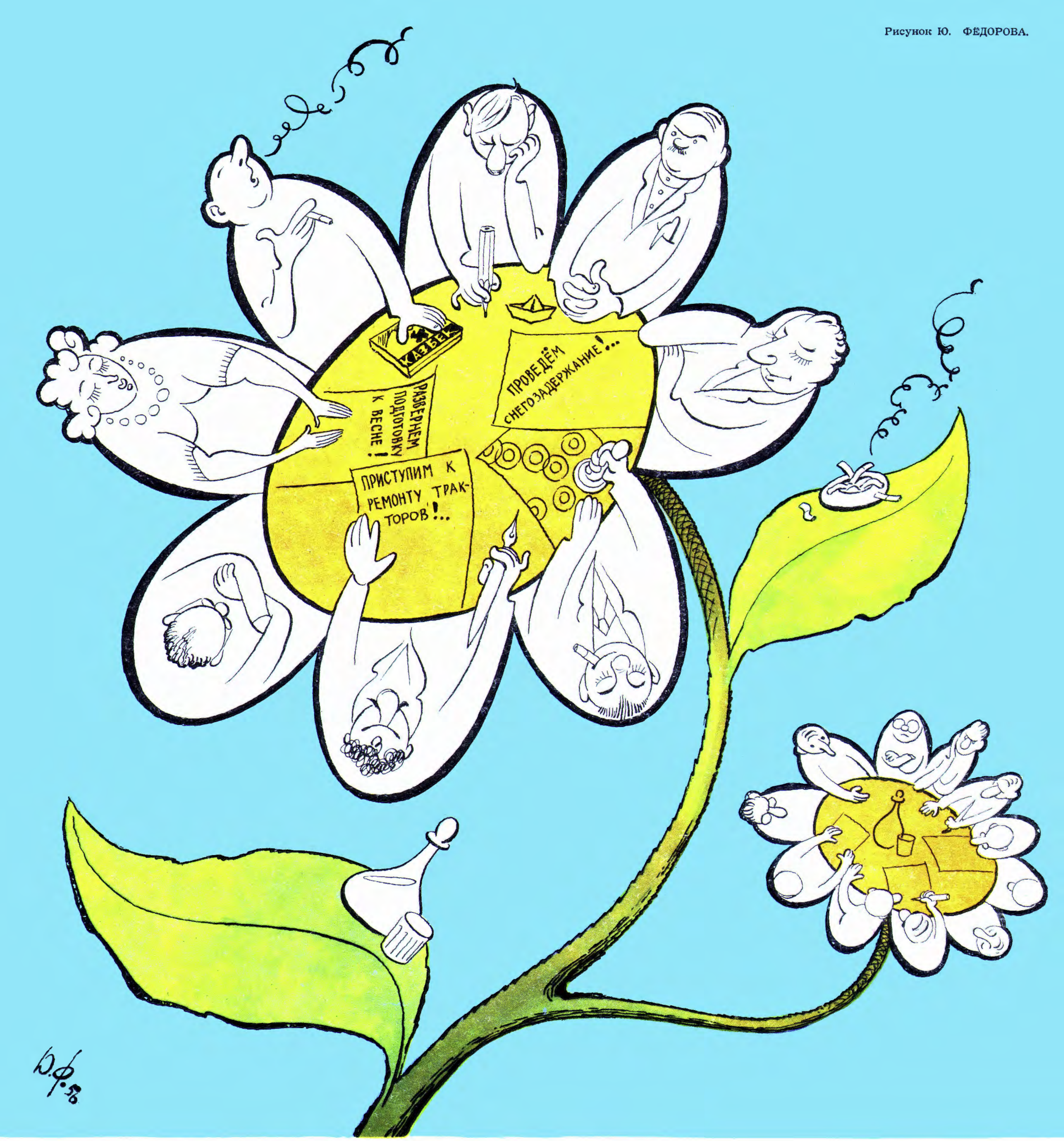

Весенние сорняки.

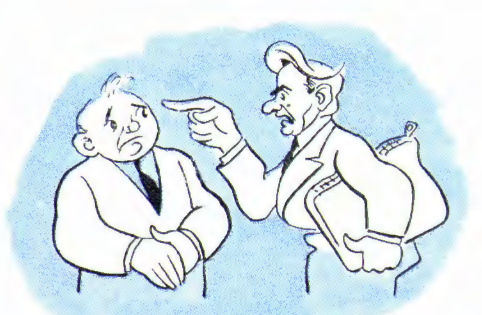
КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 10 10 АПРЕЛЯ (1444) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

ЗАРЯДКА

Из главка с проверкою
Прибыл начальник.
Коллегам известен он был
Как молчальник,
Но в ниже стоящей
По ведомству точке,
Проверив дела,
Загудел, как из бочки:
— Ослабили темпы...
Машинка заела,
На полную мощность
Не тянете дела...
Учтите, чтоб впредь...
Управляющий трестом
Весьма дорожил
И престижем и местом.
Он выговор принял,
Похлопал глазами
И тут же решил
Отыграться на заме.
Едва за «начальством»
Захлопнулись двери,
На тихого зама
Он кинулся зверем:
— Сидите
И время проводите даром!..
В кусты норовите,
А я под ударом,
В ответе за каждую
Вашу оплошность!..
Извольте работать
На полную мощность!

Зам дрогнул и яростно
Взялся за дело.
Он час распекал,
Разносил завотделом:
— Завязли в рутине,
В безделье погрязли!..
Я нянька вам, что ли!
Работа — не ясли!
Нарушили ритм...
Упустили возможность...
Давайте крутитесь
На полную мощность!
Как в горном обвале
По склонам утёсов,
Катилась по тресту
Лавина «разносов».
Уже секретарша
Кричала курьеру:
— У печки надеешься
Сделать карьеру!
И кончила взбучку
Знакомою нотой:
— На полную мощность
Ногами работай!

Наутро супруге
Товарищ из главка
Сказал, прижигая
На лбу бородавку:
— Вчера побывал
В этом... как его... в тресте.
Всё в полном ажуре,
И кадры на месте...
Но, знаешь ли, всё же
Пришлось для порядку,
Как водится, дать
Небольшую зарядку...

г. Киев.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ДВА КАРМАНА

— Три рубля с меня за то, что загрязнил водоём!! Безобразие, я буду жаловаться!

— Тридцать тысяч с моей фабрики за то, что загрязнили водоём! Пустяки! Передайте в бухгалтерию для оплаты.

Взятка

«Пчёлка, и та взятку берёт...»

(Из размышлений писаря Замараева в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб».)

К сожалению, ещё до сих пор кое-где водятся Замараевы. И гнездятся они не в тёмных щелях, а сидят, развалившись, в больших, светлых, хотя ещё и не проветренных кабинетах.

Но теперешние Замараевы не больно откровенны: не те времена! Теперь они открыто не расхваливают пчёлок, собирающих дань с подведомственных им цветков.

Замараевы действуют в тиши кабинетов. Мздоимец и мздодатель — это влюблённая пара, считающая, что третий — лишний. Действуют без свидетелей. Вот почему нелегко схватить их за руку. Нелегко раскрыть и распутать такие тёмные дела.

Но всё же в конце концов тайное становится явным. Как говорится, скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол.

...В кабинете шесть штук ушей. Два уха принадлежали Зайцеву, председателю московского «Горкожпромсоюза». Два — его заместителю Нефелову. И два — Смирнову, начальнику отдела снабжения и сбыта.

— А ну, Смирнов, покажи-ка работу! — кричали они, с вожделением думая о деньгах.

Смирнов, желая на практической работе исправить свои прежние упущения, начал действовать не покладая рук, то и дело запуская эти руки в кассы артелей.

Он немедленно связался с Марченковым (артель «Кожизделия») и обложил его данью — тысяча рублей в месяц. Коган («Спортинвентарь») согласился платить тысячу пятьсот рублей. Акимов («Разнопром») не пожалел двух тысяч рублей в месяц, Ковальзон («Прогресс») — одной тысячи. Вот так и пошло и пошло... Бери лопату и загребай.

Потом, на допросе, спросили Смирнова:

— За что вам давали взятки?

— За то, чтоб мы смотрели сквозь пальцы.

— Откуда председатели артелей брали деньги, чтоб платить вам?

— За счёт злоупотреблений,— ответил он коротко и ясно, считая и взятки и злоупотребления обычным, простым делом.

Это «дело» было у них поставлено на коммерческую ногу — отдельная касса взяток, свой кассир, свой дебет, свой кредит, свои люди, своя мораль.

И. Д. Зайцев.

М. С. Нефелов.

А. Ф. Смирнов.

Я. Г. Нудель.

Е. М. Каминский.

Шёл разговор с уха на ухо. Зайцев в качестве руководителя поднимал вопрос на принципиальную высоту, при этом не чураясь самокритики.

— Сидим мы здесь, как профаны,— говорил он со вздохом.— Надо прямо сказать: неважнецки работаем.

Его заместитель виновато опускал глаза.

— Как профаны! — повторял Зайцев.— Никак мы не можем это дело наладить!

— Многое зависит от энергии и расторопности Смирнова,— замечал Нефелов. — Стоит ли его держать на работе, если он не способен организовать такое простое дело?

Смирнов признавал свою вину, обещал подтянуться и показать себя в лучшем виде.

О чём они тут шептались? О каком «простом деле» шла речь?

Только что из кабинета Зайцева лёгкой походкой вышел Нудель, коммерческий директор артели «Кооператор». Он ушёл, оставив приятное воспоминание в две тысячи рублей.

При этом, мягко улыбаясь, обаятельный Нудель заверил: каждый месяц он будет оставлять такое же приятное воспоминание — по пятьсот целковых на брата.

Его выгнали? Задержали? На него хотя бы обиделись? Да. За то, что этот Нудель лишь теперь принёс взятку. Раньше, что ли, не мог он этого сделать!

Будто хмель ударил в голову Зайцеву и его заместителям. Господи боже мой, как они неразумно до сих пор существовали! Ведь не на одном «Кооператоре» свет клином сошёлся. Не одним Нуделем жив человек. Артелей-то у них шестнадцать! Да ежели с каждой артели получать... Какие перспективы! Какие горизонты!

— Я тогда узнал,— говорит одно из действующих лиц этой истории,— что в отдельных звеньях нашей системы существует порочная практика (так буквально и сказал: порочная практика) дачи взяток, ну, я и...

И он немедленно включился в порочную практику. Осуждал взятки, но брал. Мерзко было, но не мог противоречить: откажешься взять — и сам в накладе и зря человека обидишь...

Каждый из них начал полегоньку привыкать к грязному ремеслу взяточника. Привычка стала второй натурой. Вошли во вкус — до чего, мол, она хороша, эта порочная практика!

Тут тебе и деньги, и рестораны, и расчудесная компания, и кутежи, и угощения, и подарки, и именины на Онуфрия и на Антона, и блаженное времяпрепровождение на рыбалке: душа в душу, поплавок в поплавок, с работниками артелей. Причём у начальников всегда здорово клевало: уносили они с воды на земную твердь одну плотвичку и две — три тысячи рублей.

Совесть, стыд, человеческое достоинство — всё пошло насмарку. На собраниях и заседаниях они ставили превыше всего интересы дела, объяснялись в любви родине, социализму. А в перерывах между одним собранием и другим воровали, безобразничали, продавали себя за любое количество сребреников. Интересы же дела, родину, социализм отодвигали в сторону — для торжественных случаев.

Соболев, председатель артели «Кооператор», принёс как-то взятку Зайцеву, председателю «Горкожпромсоюза».

— Я так рассудил,— показывает Соболев.— Нудель, мой коммерческий директор, носит взятки Смирнову, который тоже имеет звание коммерческого директора. А мне, как председателю, пристало давать взятку самому председателю. Но Зайцев меня отчитал: дескать, порядков не знаешь. По всем этим взносам кассиром является Смирнов. К нему и шагай — по инстанции...

Итак, они получали деньги за то, что смотрели сквозь пальцы. За то, что делали вид, будто не замечали того, как разрастаются в артелях осиные гнёзда. За то, что окончательно попрощались со своей честью, с высоким званием советских граждан.

Вот, к примеру, артель «Кооператор». Уж несколько лет, как под этой вывеской обосновалась шайка воров и грабителей.

Отсюда следы привели работников московской городской прокуратуры к кабинетам «Горкожпромсоюза». Упорно и терпеливо прокуроры и следователи разматывали клубок преступлений.

Артель «Кооператор» производит обувь. Но только небольшая часть продукции попадала на прилавки государственных магазинов. Всё остальное шло «налево».

Короче говоря, расхищено за 1954—1955 годы свыше пятисот тысяч рублей.

Председатель артели Соболев, коммерческий директор Нудель, заведующий складом Каминский, начальник цеха Реймер, работник артели Миносьян возглавляли жульническую шайку в артели.

Они, пользуясь большим стажем безнаказанности, обнаглели и в последнее время «работали» без стеснения — широко, с размахом. Чего им бояться: начальство подкуплено!

Давали смотрящим сквозь пальцы, но и себя не забывали. При обыске у каждого из них нашли большую сумму денег, а также золото и брильянты, закопанные в земле.

Некоторые из них, видя, что деваться некуда, что всё раскрыто, сами приносили в прокуратуру наворованные десятки и сотни тысяч рублей:

— Поскольку я пойман, разрешите покаяться...

Смирнов повёл следователя на квартиру своих друзей, открыл ящик дивана и вынул оттуда спрятанные им 63 800 рублей... Затем ещё добавил двенадцать отрезов, находившихся в другом укромном местечке.

К сожалению, «Кооператор» не является исключением. Давали взятки и другие артели. За что?

В этом вопросе ещё придётся разобраться следственным органам. Им, видимо, придётся заинтересоваться и обстановкой в Мосгорпромсовете, руководители которого знать не знали и ведать не ведали о том, что у них творится под самым носом, что делается в ряде артелей, где кадры засорены до предела, где рука руку моет и где рука дающего и берущего не оскудевает.

О людском составе промысловых артелей надо серьёзно подумать. Видимо, немало ещё диванов, в тайниках которых зарыты клады. Видимо, ещё немало последователей писаря Замараева, не считающих взятку позором: «Пчёлка, и та взятку берёт» — и распродающих оптом и в розницу свою совесть, свою честь.

Г. РЫКЛИН

И так бывает

(когда в чайных столов не хватает)

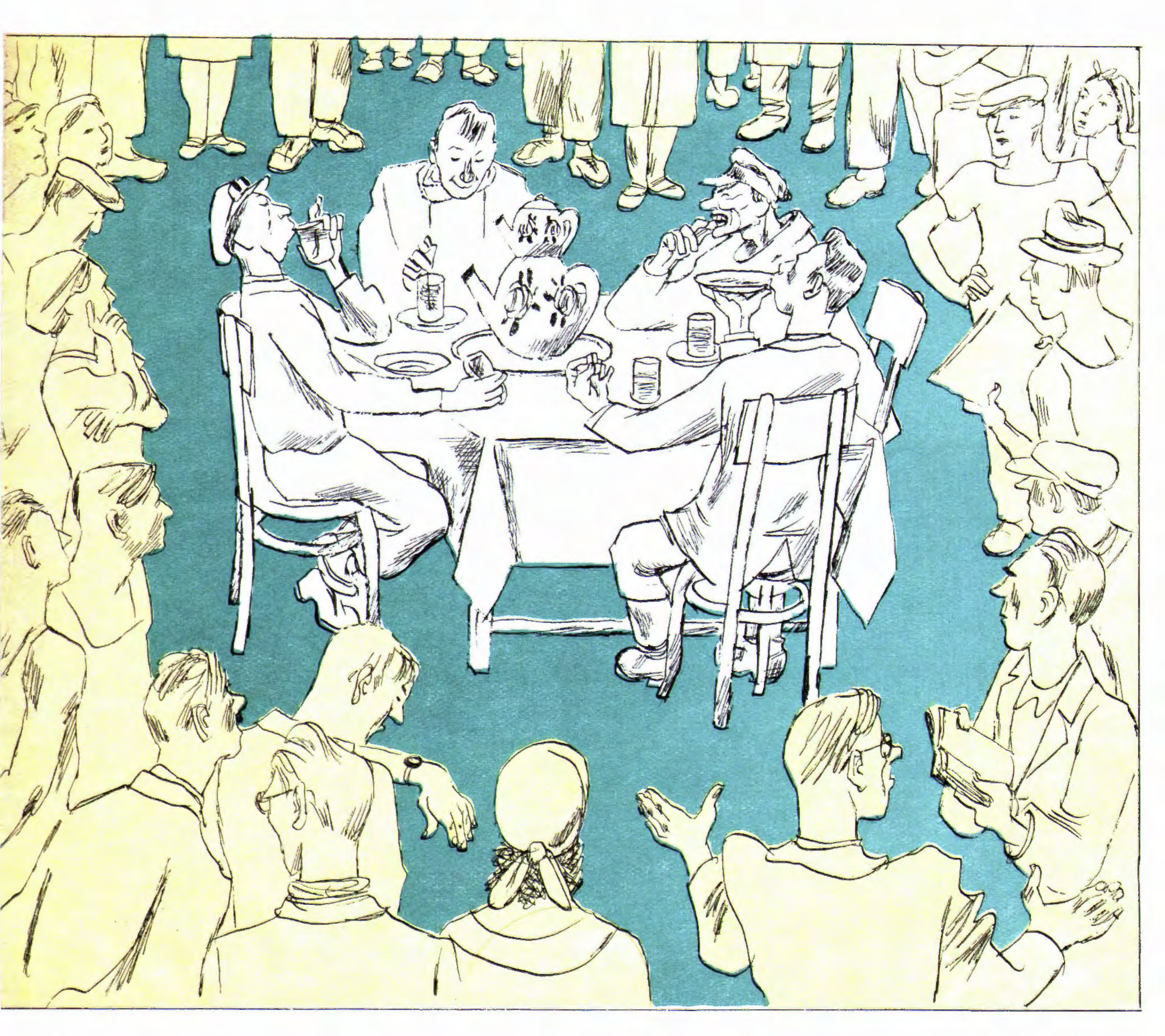
Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Одни пьют чай внакладку,

другие — вприкуску,

а третьи — вприглядку...

БОЙКАЯ ТОРГОВЛЯ

За широким столом, на стульях, изготовленных смоленскими столярами, совещались командиры торговой сети и предприятий местной промышленности города Щербакова, Ярославской области. Совещались о том, кому делать глиняные горшки.

— Гм!.. Тоже проблема — в век атомных котлов возиться с какими-то глиняными горшками! — фыркнул управляющий городским промкомбинатом В. И. Кушнер.— К тому же мне приказали вместо горшков изготовлять алюминиевые чугуны — и я не смел ослушаться. Потом приказали закрыть завод, я закрыл.

— В глиняной посуде нуждаются тысячи женщин города и деревни,— возразила заведующая торговым отделом исполкома горсовета Н. А. Орлова,— и я просто удивляюсь: ведь раньше какие только гончарные изделия у нас не выпускались — горшки, миски, кувшины, кринки...

— Ну, хорошо, хорошо,— согласился Кушнер.— У меня в таком случае имеется конкретное предложение: пусть обжигает горшки товарищ Фёдоров.

— Я? — переспросил обомлевший В. В. Фёдоров, начальник отдела городского промторга.— А кто же тогда торговать будет?

В обсуждение затронутого вопроса включился заведующий отделом местной промышленности горисполкома В. А. Роспусков.

— С одной стороны,— осторожно заговорил он,— горшками сподручнее заниматься товарищу Кушнеру. Все мы знаем, что у горпромкомбината есть гончарный завод. Но... на заводе замок по причине нашего с вами забвения насущных нужд населения. А с другой стороны, нельзя сковывать и творческую активность торговых работников.

В конечном счёте решили: замка пока что не снимать, а дело обеспечения жителей города гончарной посудой возложить на промторг.

Такое решение вогнало торговых деятелей в пот. Были спешно разосланы гонцы во все соседние области. Одному из них посчастливилось: он нашёл гончаров в Вологодской области. Вскоре из города Грязовца в Щербаков по железной дороге стали поступать глиняные горшки и плошки.

Лиха беда — начало! Оберегая душевный покой Василия Исааковича Кушнера, торговые деятели города Щербакова принялись энергично добывать в других областях и самоварные трубы, и деревянные лопаты, и гладильные доски, и бельевые корзины, и другие нехитрые, но очень необходимые в быту вещи.

Торговля идёт бойкая. В Щербакове эти вещи раскупаются нарасхват.

И первые покупатели их — работники местной промышленности.

Дм. МОЗЖУХИН

г. Щербаков.

●

Как ни странно, но...

...Онежский леспромкомбинат отгрузил строителям города Турка, Дрогобычской области, вместо комплекта сборного дома груду сырых досок и брусьев четвёртого сорта.

Когда строители возмутились, начальник комбината тов. Молодкин искренне удивился:

— И чего людям надо!! Сказали бы спасибо, что хоть доски им достались. Ведь я мог бы отправить им деревья с комлем и ветками...

ДЕМИН СУДИТСЯ

Когда человек является на работу (а это принято делать во-время), он обычно здоровается со своими сослуживцами.

Но только инженер-технолог московского специального конструкторско-технологического бюро по деревообрабатывающему станкостроению Дёмин считает это для себя необязательным.

Когда же к нему обращаются с замечанием, он обижается:

— Меня, инженера с двадцатипятилетним стажем, воспитывают!

А 23 ноября прошлого года он и вовсе не вышел на работу. Естественно, что с Дёмина удержали за прогул из заработной платы 52 рубля. Он тотчас на дыбы:

— Вот я на вас в РКК подам!

И подал. Сначала в РКК, потом в обком профсоюза рабочих машиностроения, а затем и в суд. Так родилось дело о 52 рублях. Родилось тощим, а выросло в очень солидное — 52 листа! Что ни рубль, то лист.

На суд, как положено, пригласили истца, ответчика. Вызвали и свидетелей.

На первое заседание один из свидетелей не явился, и суд вынужден был заседать снова. Но Михаил Фёдорович готов заседать хоть месяц подряд.

Не успели судьи во второй раз занять свои места, как Михаил Фёдорович предъявил им новый, подлежащий, на его взгляд, немедленному удовлетворению иск. Вот этот документ:

1. Зарплата за 23/XI—55 г. — 52 руб. 08 коп.
2. Пересылка материала в обком профсоюза (заказным письмом) — 1 руб.
3. Проезд в обком на рассмотрение дела — 1 руб.
4. Затраченное неурочное время:
   а) в обкоме — 2 часа.
   б) в суде (2 раза) — 3 часа.
   в) подача материала в суд — 1 час.

6 часов — 59 руб. 70 коп.

Итого: 113 руб. 78 коп.

Из показаний свидетелей было совершенно понятно, что Дёмин действительно прогулял. Всем давно было ясно, что Дёмин напрасно отнимает у людей время, треплет им нервы. А этот рвач со стажем требовал теперь оплаты не только своего безделья, но и почтово-транспортных расходов на его сутяжническую деятельность.

Всякая наглость имеет свои границы. Народный суд оставил иск Дёмина без удовлетворения, а городской отклонил его кассационную жалобу.

Жаль, что по нашим законам нельзя предъявить Дёмину встречный иск: ведь затеянная им волокита влетела государству в хорошую копеечку. В самом деле, давайте подсчитаем: два раза семь человек отрывали от дела, что обошлось в несколько сот рублей. А сколько бумаги исписано, сколько чернил изведено!

И уж если следовать принципам Дёмина, то и расходы по этому фельетону тоже надо бы отнести за его счёт.

1. Оплата автору за время, потраченное на ознакомление с судебными материалами по «делу» Дёмина.
2. Истрачено бумаги для написания фельетона:
   а) черновики — 8 листов.
   б) переписка набело — 4 листа.
3. Использовано чернил для той же цели — 0,001 литра.

Что касается типографских расходов на этот фельетон, то редакция берёт их на себя, дабы окончательно не разорять ответчика — М. Ф. Дёмина.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ВМЕСТО МНЕНИЯ — САМОМНЕНИЕ.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Мимоходом

«Сетей»-то много: рыболовецкая, рыбообрабатывающая, товаропроводящая,— рыбки только маловато.

○

Слово «культтовары» уже вошло в обиход. Теперь очередь за другим хорошим словом — «культпродавцы».

○

Иному дай торговую палатку, а уж палатами он как-нибудь сам обзаведётся.

○

Когда весна заиграла всеми цветами радуги, в витринах появились бесцветные ткани.

○

И в чайной, если повезёт, можно иногда напиться чаю.

○

Хорошо обслуживать покупателя можно, и не дожидаясь конференции в магазине.

○

— Вот, детки, пошёл дядя-начётчик. Если вы не будете слушаться маму, он изведёт вас цитатами!

Л. МИТНИЦКИЙ

Хабаровский завод «Эмальпосуда» выпускает керогазы, которые чадят и коптят.

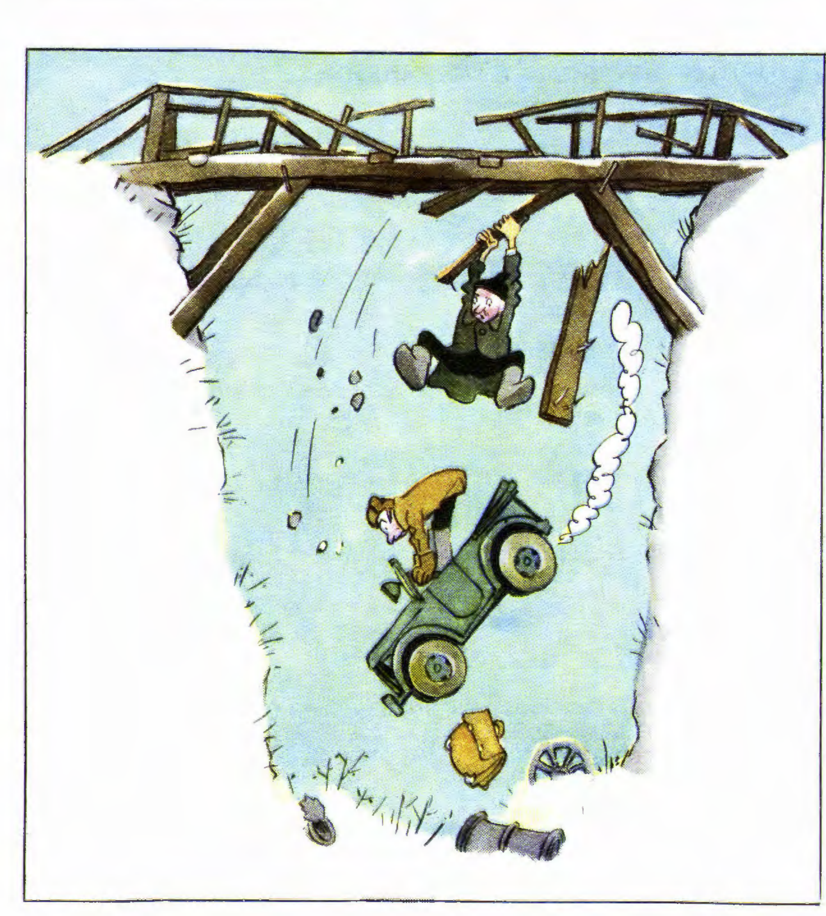
Рисунок И. ГОРБУНОВА (г. Хабаровск)

Нам не страшен керогаз,
Если есть противогаз.

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНЕТ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Ох, чует моё сердце, придётся этот мост ремонтировать!..

Н. БАЖЕНОВ

ФАКТИКИ

В правлении колхоза «Луч», где днём всегда и людно и шумно, к тому времени, когда, как сказал поэт,

Уже на западе остылом
Зари румяный след угас...

задержались лишь двое: Фёдор Иванович Корчной, заведующий молочно-товарной фермой, и его верный помощник Егор Квасов — флегматичный парень лет двадцати трёх. При тусклом свете запылённой электролампочки, подвешенной чуть ли не к самому потолку, они заканчивали сложные, одним им понятные подсчёты и расчёты.

Но вот Фёдор Иванович положил ручку и сладко потянулся.

— Экая гадость погода!— поморщился он, кинув взгляд в окно. — Пора собираться восвояси. Иначе поиграем мы с тобой, Егорушка, в жмурки, покуда домой доберёмся.

Корчной собрался гасить свет. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ввалился среднего роста человек в бобриковом, видавшем виды демисезоне и литых резиновых сапогах-баллонах. Узнав в вошедшем инструктора райкома партии товарища Чубукова, Фёдор Иванович удивлённо поднял брови.

— Семён Семёныч? Как же вы добрались в этакий клятый туман?

— Туман нам не указ, у нас есть начальство,— шутливо отозвался инструктор. — Здравствуйте, товарищи! А где председатель?

— Нету его. С обеда в райцентр уехал. И бухгалтера взял с собой.

— Досадно!..

— Может, учётчика кликнуть? — предложил Корчной. — Он близко живёт. А ну, Егор...

— Не надо учётчика. Завтра на бюро вопрос о состоянии трудовой дисциплины в колхозах обсуждаем. Мне дозарезу нужны яркие примеры, причём с глубоким анализом причин. Тут без председателя и бухгалтера никак не обойдёшься.

Чубуков почесал в затылке и нерешительно взглянул на собеседников.

— Послушайте, может, вы мне поможете? — с надеждой спросил он. — Лодыри и прогульщики есть у вас?

— Как не быть! Один Морковкин чего стоит, бывший председатель сельсовета! До сих пор руководящих должностей ищет.

Инструктор отрицательно замотал головой.

— Не пойдёт. Этот факт с бородой, я Морковкиным ещё летом занимался. Посвежее давайте.

— Ну, ежели Морковкина не хотите, берите Дарью Русакову. Хитрющая баба! На рынке за трёх мужиков ворочает, а на колхозную работу не ходит. Сразу и охи, и ахи, и прострел у неё в боках, и чистая мигрень...

— Симулянтка? — оживился Чубуков. — Это подходяще. Давайте-ка я эту самую Дарью запримерю.

— Чего? — не понял Фёдор Иванович.

— Значит, запишу, — бодро разъяснил инструктор, доставая блокнот. — Наш Пётр Андреевич говорит, что факт, услышанный на словах, — это разговор в пользу бедных. А вот когда мы его запишем, он уже не просто факт, а обобщающий пример. Его в любое решение можно включить.

— Когда так, то прошу запримерить ещё директора МТС, — попросил Корчной, — нету у человека понятия о дисциплине. Второй год не может на ферме кормозапарники установить. Уж мы...

— Не пойдут кормозапарники, — отмахнулся Чубуков,— вопрос о механизации на фермах запланирован у нас на будущий месяц. Вот тогда мы кормозапарники и запримерим. А сейчас давайте кого-нибудь вроде Дарьи. Нету? Тогда бывайте здоровы. Побегу к сельпо, может, ещё застану полуторку из райцентра.

Месяц спустя, когда наконец установился санный путь, животноводы выехали на розвальнях в соседний колхоз, соревнующийся с ними, проверить, как те выполняют свои обязательства. Морозило. Мелодично поскрипывали полозья. Егор сладко дремал, уткнувшись носом в спину своего спутника.

На развилке двух дорог возле разбитой в прошлом году молнией сосны Корчной повернул лошадь направо. В этот миг мимо промчалась гружённая ящиками полуторка, обдав спутников колючей морозной пылью. И тут же из кабины послышался крик:

— Сто-ой!..

— Да это никак инструктор Чубуков из райкома,— удивился Фёдор Иванович, придерживая лошадь.— Здравствуйте, Семён Семёныч! В «Луч» направляетесь? По делу или в гости к кому?

— Есть мне время по гостям разъезжать! Послушайте, это не вы мне говорили однажды по вопросу кормозапарников?

— Мы.

— Вас-то мне и надо! Давайте выкладывайте ваши фактики. Завтра обсуждаем вопросы механизации на фермах.

— Опоздали, Семён Семёныч! — Корчной широко развёл руками. — Кончились наши фактики. Приезжал тут представитель из области да так нагонял директора МТС, что он живым манером всё обделал. Другая у нас беда. Запримерьте вы, ради бога, нашего заведующего клубом. Бездельник! Просим, просим его организовать нам лекции по животноводству, а он хотя бы палец о палец ударил. Уж мы...

— Да, да!— нетерпеливо оборвал его Чубуков.— Пропаганда передового опыта в районе не на уровне. Однако что же мне делать? Какие-то вы странные люди! Ничего у вас толком не запримеришь.

— Не беспокойтесь, в другом месте запримерите. Вон в колхозе «Сила труда», слыхал я, тоже с механизацией неладно.

— Так чего же вы мне до сих пор голову морочите своим клубом?— повеселел инструктор райкома.— В какую сторону идти: направо или налево?

— Направо. Да вон дядя Кузя никак туда путь держит. Он вас и подвезёт.

— Ага! Спасибо! Эй, как вас там, дядя Кузя! Стой!..

Чубуков, увязая по колено в сугробах, ринулся наперерез показавшимся в стороне саням.

И снова месяц прошёл. В хлопотах и трудах Фёдор Иванович с Егором и думать забыли об инструкторе Чубукове. Но он сам о себе напомнил, встретив как-то животноводов, когда те возвращались с фермы.

— Вот кстати!— воскликнул инструктор.— Могу вас коечем порадовать: был я только что в вашем клубе. Ну и обстановочка! Всюду намусорено. От заведующего сивухой за версту несёт... Разумеется, всё это я завтра Петру Андреевичу для бюро подробно доложу. Пока!

Довольный собой, Чубуков зашагал к домику бабушки Даши, который в деревне был чем-то вроде гостиницы. Инструктор не раз уже ночевал там, когда, бывало, запозднится в «Луче».

Обив голиком в сенях снег с валенок, он ввалился в избу и... обомлел. За самоваром сидел секретарь райкома и благодушно попивал чаёк вприкуску.

— Пё-Пётр Андреич? — заикаясь, спросил удивлённый Чубуков, глядя во все глаза на внушительную фигуру секретаря.

Тот кивнул головой.

— Я, брат, здесь с обеда сижу. Ночевать в «Луче» даже решил, пока моего «козла» в МТС чинят. А ты зачем сюда так поздно?

Инструктор самодовольно похлопал себя по карману пальто.

— Фактики вам, Пётр Андреич, к завтрашнему выступлению собрал. Пальчики оближете! Три часа в здешнем клубе просидел, во всём до точки разобрался.

— И что же?

— Безобразий там много, Пётр Андреич. И, что самое главное, устранить их вовсе легко. Было бы желание. Вот завклубом всё мне ныл, будто ему район плохо помогает. «А зачем,— спрашиваю,— тебе на район надеяться? У тебя своя голова на плечах».

— Ну и что?

Чубуков безнадёжно махнул рукой.

— Как об стену горох. Гнать его из клуба — вот какое моё предложение, Пётр Андреич.

Секретарь задумался.

— Это верно, — сказал он, — только кем заменить?

— Господи! Нельзя, что ли, в районе найти подходящего инициативного человека?

— М-да, действительно.

Секретарь пожевал губами и повернулся к Чубукову.

— А ты сам пошёл бы заведовать клубом? — в упор спросил он.

— Я? — переспросил Чубуков, побледнев, как полотно.— Что же я... Мое дело, как говорится, солдатское. Да вот беда: не силён я в культурных вопросах. А тут дело запущенное. На помощь района надеяться не приходится... Нет, Пётр Андреич, не по хребту ноша, прямо говорю.

Выпалив эту тираду, Чубуков вдруг широко улыбнулся. Глаза его загорелись. Торопливо выхватив блокнот из кармана, он быстро перелистал его. И...

— Морковкин,— радостно вскричал он,— вот кого надо в клуб посадить!

— Какой Морковкин? — изумился секретарь.

— Ну, бывший председатель сельсовета, — пояснил Чубуков, — тот самый, который всё к вам пристаёт насчёт работы.

— Позволь, но ведь ты сам прошлым летом аттестовал Морковкина и бездельником и неучем...

— Совершенно верно. Только вспомните: какой вопрос тогда на бюро разбирался? О поверхностном руководстве без знания дела. А сейчас какой разбирается? О пропаганде передового опыта. Совсем другая статья.

Секретарь нахмурился, озадаченно потёр подбородок, побарабанил пальцами по столу.

— Ладно, — согласился он, — учту твоё предложение. А теперь садись чай пить да выкладывай свои фактики. Ну, что ты там запримерил?

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА.

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

Чудеса в Сунтаре...

Наш приятель Иван Петрович, возвратившийся недавно из командировки, тревожно спросил таинственным шёпотом:

— Вы не были в Сунтаре?

По выражению его лица можно было подумать, что в этом районном центре произошло невероятнейшее событие. Иван Петрович лукаво улыбнулся, оглянулся окрест и опять тихо промолвил:

— А знаете, что там творится?

— Да говорите скорее! — потребовали мы.

— Я понимаю,— начал издалека Иван Петрович,— мы живём в эпоху великих свершений... У нас и масштабы не те, что были, скажем, двести лет назад. Но... позвольте, нельзя же каждому человеку нанизывать на пальцы по десятку напёрстков и красить помадой коровам губы, ибо от этого они не прибавят молока!

— Какие напёрстки, какая помада?

— Да, да! В Сунтаре истинные чудеса!— утверждал Иван Петрович.— На каждого жителя по килограмму колёсной мази. А каждому ребёнку, включая сюда и младенцев, которые и говорить ещё не умеют,— по сотне простых карандашей и ученических малевальных кистей! Пиши и крась, крась и пиши!..

Чувство разочарования овладело нами, мы окончательно потеряли логику в рассказе приятеля. А он продолжал говорить:

— Конверты — век не израсходуешь... Стекло ламповое... Пудра и губная помада исчисляются пудами. А резинка ученическая! Её хватит для стирания не только клякс в тетрадях, но и пятен на солнце.

— Иван Петрович, голубчик! Ну расскажите всё по порядку, не торопитесь. Обдумывайте каждое слово, предложение.

Иван Петрович с победным видом вытащил из потёртого портфеля разлинованный лист бумаги с трехзначными и пятизначными цифрами и, уткнувшись в него, сказал:

— Да вы не знаете Сунтара, точно вам говорю!..

— Чего же не знать? Стоит на берегу Вилюя районный центр, с каждым годом растёт, строится. Сунтарцы любят свой молодеющий посёлок, как жених невесту... Здесь даже и товаропроводящая сеть находится на должной высоте...

— Вот именно, «на должной высоте»! — перебил неугомонный Иван Петрович.— Иду это я недавно по посёлку, а навстречу мне из кооперации бабка Елуферьевна. Останавливает и говорит: «Что ж это, касатик, получается? Пришла в магазин за напёрстком, а продавец не даёт один напёрсток. «Возьмешь,— говорит,— двадцать, тогда отпущу». «Куда мне их?» «Один не продам,— твердит продавец,— и всё тут!» «Ну, коли такая нужда у кооперации,— отвечаю,— давай двадцать». «Э, нет, Елуферьевна,— улыбается он,— вместе с напёрстками придётся завернуть тебе ещё коробочек двадцать пудры «Сирень», коробку патефонных игл, дюжины две карандашей, пару головных платков...» «Зачем мне это всё?» — спрашиваю продавца, а он говорит: «Нам-то куда их девать, не солить же? Затоварились, Елуферьевна, вот тебе и весь сказ. Посмотри-ка, что у нас на складах-то лежит! Запасов на целый век хватит... Ну, а если не нужны напёрстки, — не бери, не навязываю...»

Какая нечистая сила приволокла сюда столько ширпотреба, кто так планирует завоз товаров, старушка не могла уразуметь. И невдомёк ей, покупательнице, что излишки и ненужные товары попали на берег Вилюя в результате вопиющей безответственности руководителей торговых баз потребсоюза «Холбос».

Чудеса в Сунтаре — это плоды «заботливой» Осетровской базы: она ежегодно забрасывает в товаропроводящую сеть республики отдельные изделия ширпотреба в таком количестве, которого хватит для всей Сибири. А правление потребсоюза «Холбос» планирует завоз товаров, ориентируясь на потолочную арифметику.

И вот результаты: на складах Сунтарского райпотребсоюза скопилось ненужных товаров на 1 393 тысячи рублей.

Чего только нет у сунтарских коробейников! Они могут оптом продать ученические карандаши, перья, чернильные порошки, кисти для рисования, губную помаду и пудру, патефонные иглы, ламповые принадлежности, мешкотару, головные платки, колуны, керосинки, напёрстки, конверты, багеты...

— Видите, вот какие чудеса творятся в Сунтаре! — закончил свой рассказ Иван Петрович.— Вот какие масштабы у наших кооператоров!

Евг. ВИЛЛАХОВ

«Социалистическая Якутия».
г. Якутск.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Хорошие семена у нас, ни одного сорняка не видно.

Сергей ШВЕЦОВ

Бракоразводная

ЛИРИКА

(По страницам литературно-художественных журналов)

Немало лириков сейчас,
Гонясь за темой очень модной,
Усиленно снабжают нас
Поэзией бракоразводной.

И публика уже привыкла,
Взяв наугад журнал любой,
Там находить стихи из цикла:
«Зачем я развелась с тобой!».

Стихов таких и в этом роде
Печётся много в наши дни.
Читатель ждёт от нас пародий.
Я сочинил их. Вот они.

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Разлука

На траве, ещё не скошенной,
Я сижу, тобою брошенный,
И пишу рукой проворною
О разлуке песнь минорную.

Знаю я: мои элегии
Любят члены редколлегии.
Пусть обильно слёзы катятся,
Все они сполна оплатятся...

Олег СПЕКУЛИРИКОВ

О странностях любви

И он меня любил, и я его,
Довольны были всем и я и Вася.
Скажите, люди, отчего
Я всё же с Васей развелася!

Полина МОТЫЛЬКОВА

Безысходность

Любимый мой! Меня ты лучше брось.
Должна тебе признаться честно:
Мне очень трудно жить с тобою врозь,
Ещё труднее жить совместно...

Евгения СКУШНОВА

Признание

Сегодня от соседей я узнал,
Что неверна мне стала Дуся.
Оповещаю всех через журнал:
Я скоро с Дусей разведуся.

Филат ВОЗБУЖДЕНЦЕВ

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Как иногда выглядит в колхозе водопроводная линия.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Итальянские записи

На Белой Олимпиаде

На главной улице итальянского курортного городка Кортина д'Ампеццо — столицы VII зимних Олимпийских игр — толпа говорила одновременно на многих языках мира, сверкала всеми красками, какие только можно себе представить.

Спортивные делегации были одеты ярко и красиво: канадцы в синих полуплащах с серыми меховыми воротниками, австрийцы в зелёных тирольских шляпах и светлосерых пальто, русские в тёмноголубых полупальто и пыжиковых шапках, ливанцы в белых куртках... Спортсменов окружали искатели автографов, любители спорта из многих стран мира, молодёжь, болельщики в пёстрых свитерах, разноцветных курточках, в ярких вязаных шапочках, а то и просто с непокрытыми головами.

Под ослепительным горным солнцем, среди флагов тридцати двух стран всё это необычайно празднично и красиво.

Но даже в этой предельно яркой толпе выделяются те, кто приехал сюда не столько из любви к спорту, сколько из любви к моде... Это более чем состоятельные мужчины, женщины и даже старухи, одетые в модные лыжные куртки, свитеры и брюки самых невероятных рисунков, цветов и сочетаний. Выглядит это примерно так:

Картинка Кортины

Мы знаем, нас женщины спросят
О том, что в Италии носят,
Как нужно по моде одеться
Сегодня в Кортина д'Ампеццо.

Кортина д'Ампеццо одета,
Как будто идёт оперетта:
Жакетки из радуги в клетку,
Штаны повторяют расцветку
Моркови, шпината, салата,
Восхода зари и заката!

Здесь встретишься с жертвами моды,
Которые в зрелые годы
Отчаянно лезут из кожи,
Чтоб только казаться моложе.

При этом чем к старости ближе,
Тем вырез на кофточке ниже,
Тем чаще седая причёска
Торчит, как вихры у подростка,
Тем талия стянута туже,
Тем брючки на бабушке уже.

Здесь каждая дама обута
В тяжёлые бутсы, как будто
И леди, и мисс, и синьоры
Немедля отправятся в горы.
Однако маршрут их в Кортине
От дома до бара «Мартини»,
От дансинга к холлу отеля,
От виски до рюмки «Мартеля»!

Они и не ходят на матчи,
У них здесь другие задачи:
Они соревнуются сами
И ставят рекорды штанами,
Чтоб в матчах сверхмодных фасонов
Своих создавать чемпионов!

Но таких, конечно, меньшинство. Большинство — истинные любители спорта, особенно сами итальянцы.

На трибунах стадионов сразу виден итальянский характер. А итальянец вообще доброжелателен, правдолюбив, весел и невероятно горяч.

Когда во время фигурного катания зрителям показалось, что судьи «засуживают» полюбившуюся им немецкую пару, в судей немедленно полетели апельсины. Когда же судья — тоже итальянец, а стало быть, также человек с непременным юмором — стал чистить эти апельсины и раздавать их своим помощникам, публика тотчас перешла на менее съедобные предметы.

На хоккее после каждой шайбы, заброшенной нашими игроками, к нам — советским туристам — сразу же со всех сторон протягивались горлышки винных бутылок, и тут же следовало предложение выпить по этому поводу.

Таких ярых любителей спорта по-итальянски зовут «тифозо», что точно соответствует нашему «болельщик».

Наш ободряющий крик, обращённый к нашим спортсменам: «Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!» — быстро был подхвачен местными «тифозо», стал общим кличем стадиона, и вскоре мы слышали, как итальянцы подбадривали свою команду русским «Мо-лод-цы!».

Судейство, как правило, было весьма объективным. Только во время одного из матчей остро развитое у наших болельщиков чувство справедливости заставило их просить соседей по трибунам перевести на итальянский язык известную фразу «Судью на мыло!». Перевод был с трудом найден. Он оказался чем-то вроде «Арбитро пер сапонэ!». Но тут выяснилось, что судья — как раз голландец и ни слова по-итальянски не понимает...

Последний, решающий матч сопровождался особенно неистовым аккомпанементом. Канадцы на трибунах дули в трубы, американцы били в небольшие колокола, а наши болельщики, оставшиеся к этому матчу без голосов, дудели в пастушьи рожки, купленные случайно по дороге во Львове и обладающие удивительно действенным звуком.

Наша суммарная победа на олимпиаде была оглушительной и всеми признанной. Она далась вовсе не легко. Противники были очень сильны и неуступчивы в состязаниях.

Но, несмотря на то, что на матчах американцев постоянно присутствовал специальный священник их команды, несмотря на то, что канадцы во время игр, согласно суеверной традиции, то и дело похлопывали друг друга клюшками по спинам, не помог ни американский хоккейный бог, ни верные канадские приметы, и великолепный вратарь команды США выкинул после матча свою клюшку, а капитан канадцев сломал свою об лёд.

Наши спортсмены завоевали не только наибольшее количество медалей, но и наибольшие симпатии зрителей, и завоевали не одним лишь спортивным мастерством, но и безукоризненным поведением на поле и вне его: скромным, достойным и благородным.

Да и общая атмосфера была очень дружеской: все, в том числе и канадцы и американцы, сейчас же после своего проигрыша дружелюбно и искренне поздравляли наших спортсменов.

На пьедестале почёта после вручения медалей три итальянские девушки в национальных костюмах, согласно церемонии, каждый раз целовали очередных призёров, поздравляя их с победой.

На долю наших спортсменов пришлось наибольшее количество поцелуев итальянских красавиц. Не только потому, что они получили наибольшее количество медалей, но ещё и потому, что, хотя каждого победителя, по здешнему ритуалу, целовали дважды — в обе щеки, — но у нас-то больше принят троекратный поцелуй, так что наши спортсмены часто по инерции тянулись к третьему. И получали его, естественно. На чём и выгадывали.

Правая пресса сначала по привычке пробовала искать мелкие и довольно бессмысленные сенсации. Например, когда в общем параде наши спортсмены вышли в своих сине-голубых костюмах, а американская команда оказалась в алых бобриковых ушанках, местные журналисты попытались вытащить из этого некий парадокс, сообщив, что русские вышли в голубом итальянском «королевском» цвете, в то время как американцы надели «коммунистические» шапки.

Потом, выбитая из привычной колеи «нормальностью» поведения советских людей и растущими симпатиями к ним, эта пресса вовсе рухнула и от полной растерянности чуть было не стала писать правду.

Что ж до интереса к советским спортсменам и туристам со стороны рядовых людей, то он неизменно переходил в симпатию даже в тех случаях, когда вначале приобретал непривычные для нас, несколько курьёзные формы.

Пусть старуха-немка — туристка из Западной Германии — долго добиралась до отдалённого отеля «Тре Кроче», где жили советские спортсмены, только для того, чтобы выяснить волновавший её вопрос: является ли известная лыжница Алевтина Колчина женой известного лыжника Петра Колчина? Выяснение этой матримониальной проблемы вовлекло её в более интересную беседу, и немецкая старуха уходила из «Тре Кроче», крепко задумавшись над неожиданными для неё общительностью и дружелюбием советских людей.

Пусть погоня за модой на всё советское приводила к попыткам выменять у нас даже наши московские меховые ушанки.

Это были лишь курьёзные вступления к очень дружеским и очень познавательным беседам.

Сколько таких задушевных бесед возникало в вагоне электрички, ежеутренне подвозившей иностранных туристов, и нас в том числе, из окрестных местечек, где мы жили, к стадионам Кортины д'Ампеццо!

Переводить друг друга часто приходилось ступеньками — через три языка на четвёртый.

Как-то во время рейса один из нас подсчитал, что в купе вагончика едет сейчас восемь человек восьми разных наций, дружески беседующих на девяти разных языках. Девятым и основным языком был язык жестов, на котором больше всего и объяснялись.

Общий язык находился всегда и во всех смыслах слова.

А электричку эту так и прозвали «поездом дружбы».

Та же атмосфера бывала обычно на вечерах в отеле «Трёх крестов», где жили наши спортсмены.

Однажды мы приехали туда поздравить с очередным успехом наших конькобежцев. После вручения медалей состоялось традиционное преподнесение тортов, которые дарились обычно всем нашим призёрам от имени их товарищей. (Кстати, кондитеру, взявшемуся за это дело, пришлось потом налаживать уже серийное производство «тортов победы».)

Потом мы читали спортсменам стихи, выступили и сами спортсмены в порядке самодеятельности... Вдруг попросил слова приехавший по собственной инициативе на какой-то попутной машине слаломист из американской команды. Он сказал, что ему хочется поздравить наших спортсменов, но говорить он не умеет, поэтому он споёт. Но ему нужен аккомпанемент. Быстро организовалось аккомпанирующее трио, которое составилось из нашего радиокомментатора Вадима Синявского (рояль), приезжего итальянца, одолжившего в ресторанном оркестре барабан, и немца с контрабасом, уже совершенно неизвестно откуда возникшего.

Американец спел свою песенку тем более симпатично, что совершенно неумело.

Тут в холле появилась австрийская лыжница, которая хотела непременно поздравить наших спортсменов, и даже двумя песенками. И спела три.

Потом пошли записываться на выступления живущие в этом отеле немцы из обеих, — к сожалению, приходится пока пользоваться этим термином, — из обеих Германий. Потом начались танцы (в этом районе, естественно, западные). Причём не было пары, где бы партнёр и партнёрша разговаривали на одном языке.

Весь этот импровизированный международный вечер самодеятельности закончился общим разноязычным хором, исполнившим «Широка страна моя родная».

И очень было приятно, что хоть пели на разных языках, но страна, о которой пели, была наша — широкая, родная страна.

Такие вечера-беседы и новые знакомства прежде всего и запомнятся после «Белой олимпиады» вместе с её общей дружественной атмосферой, вместе с ощущением того, что спорт и благородное, честное соревнование тоже по-своему объединяют людей разных стран, наций и взглядов и тоже помогают им лучше понять друг друга.

И среди таких встреч и знакомств запомнится нам первая встреча с молодым итальянцем на стадионе Кортины д'Ампеццо, которую мы так и назовём:

На трибуне «Ледяного стадиона»

Горячечный взгляд и пунцовый румянец.
Он болен! Он явно в жару!
Должно быть, простыл паренёк-итальянец
На этом альпийском ветру.

Он хрипло кричит. Он не чует мороза...
Тут нас окликает сосед.
Он в сторону парня кивает: — Тифозо! —
И быстро ныряет под плед.

Больной повторяет какую-то фразу...
Мы слышим: — Аванти, Бобров!
Аванти! — И мы убеждаемся сразу,
Что он абсолютно здоров!

Горячка и выкрики эти знакомы
И блеск лихорадочный глаз, —
Встречали мы этой болезни симптомы
У нас на «Динамо» не раз.

Болельщик!.. Мы к парню подходим
и вскоре
Друг друга по курткам стучим,
Жмём руки друг другу и дружное «Фори!»[1]
Штрафному канадцу кричим.

Мы вместе, мы рядом, и стоило, право,
В такую отправиться даль,
Чтоб дружно кричать победителям
«Браво!»,
Когда им вручают медаль;

Чтоб парень, которому в русских всё ново,
Вранья позабыл бы столбцы
И, выучив первое русское слово,
Советским кричал: — Мо-лод-цы!

Закончились олимпийские игры, и мы продолжили нашу поездку по Италии.

Вот несколько стихотворных заметок из путевого блокнота:

В Риме снег...

В Риме снег... Под снегом мандарины,
В Колизее снежная гора,
И в снежки играют капуцины
У соборов Павла и Петра.
В Риме снег... Мальчишки, как шальные,
Ведь за их десятилетний век
Видеть им приходится впервые
В Риме снег!

В Риме снег не всеми встречен смехом...
В час, когда он весело кружит,
В курточке, подбитой рыбьим мехом,
На работу римлянин бежит.

В Риме снег... И, значит, у кого-то
Нет угля и холоден ночлег...
Много беднякам принёс заботы
В Риме снег.

В Риме снег... Но, несмотря на это,
Нас тепло встречает Вечный Рим.
Мы в толпе на улице Венето
С новыми друзьями говорим.
Шутка добродушная летает,
Времени не чувствуется бег...
В Риме снег... Но кажется, что тает
В Риме снег!..

Голуби на площади Сен-Марко

Знаменит Сен-Марко голубями,
В мире нет подобных площадей!
Голуби на шляпах, под ногами...
Не боятся голуби людей!..

Здесь туристы дарят сувениры,
И значки они меняют тут.
Красный флаг и белый голубь мира
Просто нарасхват у нас идут.

Но один турист смутился странно
И не взял наш беленький значок.
— Я, — сказал он, — из-за океана,
Там не в моде этот голубок...

Над Сен-Марко стаи птиц взлетают
В небо, что лагуны голубей...
. . . .
Голубей, наверно, удивляет,
Что боятся люди голубей.

Разговор в гондоле

Туристской покорные доле,
Мы, граждане СССР,
Плывём в лебединой гондоле,
И смотрит на нас гондольер.
Он смотрит, смущённый немало,
Не в силах глаза оторвать,
Палаццо Большого Канала
Порой забывая назвать.
— Что значит растерянность эта?
Мы чем-то встревожили вас?
И он отвечает:
— Газеты
Меня убеждали не раз:
«Учти, что приход коммунизма
Туризму поставит барьер,
И знай, что барьер для туризма —
Конец для тебя, гондольер!»
Но вы ж из страны коммунизма,
Вы, значит, и есть коммунизм!
Но вы ж не барьер для туризма,
Вы сами, синьоры, — туризм!
Чему же мне верить при этом?..

— Пред вами наглядный пример.
Вы верьте не вашим газетам,
А вашим глазам, гондольер!

В Ватикане

Когда мы были в Ватикане
(А мы полдня бродили там),
Монах в малиновой сутане
Бродил за нами по пятам.

В его глазах была тревога,
Он сожалел, что он не мог,
Как местный представитель бога,
Сказать: «Вот — бог, а вот — порог!»

Он шёл за нами по палатам,
И всё искал он, чем грозит
Наш к католическим пенатам
Коммунистический визит.

А мы ходили и смотрели
На цель визита своего —
На чудо фресок Рафаэля
И Тинторетто волшебство!

К чему беспочвенные страхи,
Что в этот день витали там!
И мы не перешли в монахи,
Пройдя по всем святым местам,

И папе наше появленье
Не принесло особых зол, —
Не подал папа заявленья
Ни в профсоюз, ни в комсомол!

И всё, как прежде, в Ватикане...

Так что, по сути говоря,
Монах в малиновой сутане
Весь день ходил за нами зря.

Мечты на дорогах

Вдоль дороги весь день подряд
Убегают столбы назад.
Что ни столб, то стрела над ним:
«Рим — Болонья»... «Верона — Рим»...
Вспоминаем, смотря в окно,
Фразу памятную давно,
И, конечно, мы говорим:
— Все дороги приводят в Рим!

У шлагбаума на момент
В наш автобус вошёл студент,
И вступили с ним в разговор
Наш попутчик и наш шофёр.
И водитель и пассажир
Дали парню по сотне лир.
Уловили мы лишь слова:
«Фестиваль»... «Молодёжь»... «Москва»...

Улыбаясь, сказал шофёр:
— Это наш добровольный сбор,
На дорогу им дать не жаль,
Их мечта теперь — фестиваль!
Целый год они у дорог
Будут свой собирать налог,
Чтоб хоть месяц побыть в стране,
Той, что видится им во сне.

Парень вышел. Мы вновь летим
По дороге, ведущей в Рим,
Через станции и мосты,
Где студентов стоят посты,
Где студентов стоят посты
У дороги своей мечты.
И для них уже наяву
Все дороги ведут в Москву!

[1] Фори! — Вон! Долой!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Ну как же я могу обойтись без неё!..

Пушки и герань

Жители Федеральной Республики Германии с понятным беспокойством посматривают на 280-миллиметровые американские атомные пушки. Они хорошо знают, что от пушек вообще, а от этих в особенности добра ждать нечего.

Американский журналист Дж. О'Доннел в статье, опубликованной журналом «Сатердей ивнинг пост», взялся смягчить хищный вид 280-миллиметровки.

Он рисует атомную пушку этаким милым неуклюжим существом, которое даже не по всякой дороге пройдёт, а если и пройдёт, то обязательно прощенья попросит: «Ах, извините, пожалуйста, я вам тут газончик немного помяла!..»

«Однажды в Баварии,— пишет О'Доннел,— 280-миллиметровая пушка серьёзно увязла, пытаясь избежать столкновения с толстой женщиной, ехавшей на велосипеде. Другая однажды обогнула угол гостиницы так резко, что от толчка горшок с геранью упал в бочонок с пивом».

Итак, О'Доннел видит главную опасность атомных пушек для Западной Германии в том, что у немцев есть привычка ставить герань слишком близко к пиву. Однако сами немцы видят опасность в другом. Они говорят: «Не герань надо отодвигать подальше от пива, а американские полигоны от Германии!»

Сенатор-плантатор

В последнее время на политическом горизонте Соединённых Штатов замаячила фигура сенатора Джеймса Истленда. Имя сенатора набирается крупным шрифтом. Плантаторы Юга видят в нём своего представителя в сенате.

Впрочем, и сам Истленд не только сенатор. но и плантатор. У него в штате Миссисипи, да и в других местах, свыше пяти тысяч акров земли, на которой трудятся негры-издольщики.

Сенатор-плантатор ненавидит своих чёрных рабов. Он ненавидит всех негров, всех цветных.

Вот выдержка из одной речи Истленда в сенате:

«Негритянская раса — низшая раса... Я говорю откровенно, что я горжусь белой расой. Я горжусь тем, что в моих жилах течёт чистейшая кровь белого человека. Я знаю, что белая раса — высшая раса. Она правит миром!»

Истленд открыто призывает к угнетению негров, к расовой сегрегации (отделению белых от цветных) в государственных школах.

Расистские выступления упрочили карьеру сенатора. Он председатель сенатской подкомиссии по вопросу о... гражданских правах. А совсем недавно он получил ещё одно назначение: избран председателем **юридической** комиссии сената.

Поистине трудно было подыскать более подходящую кандидатуру!

КАНДИДАТ ОТОБРАЗИТЕЛЬСКИХ НАУК

Члены Учёного совета сидят не за отдельным столом, а скромно смешались с публикой. На стене висит картина, принадлежащая кисти аспиранта Кочкина, который сегодня будет защищать диссертацию на звание кандидата искусствоведческих наук. Картина, висящая на стене,— это и есть диссертация Кочкина. Поэтому члены Учёного совета и уселись на места для публики: отсюда лучше видна картина.

Аспирант, повинуясь приглашению председателя, подходит к своему детищу. Защита начинается.

Аспирант Кочкин П. А.: — Товарищи! Обдумывая будущую картину, её автор, то есть я, решил, что в ней должны отразиться передовые идеи современности. Упомянутые идеи даны через показ спевки юных школьниц под руководством учительницы.

Наши подростки поют. Поют, как им и положено, бодро, жизнерадостно, оптимистично. Хотите знать, что они поют. А это уже тема для особого научного исследования. Примечателен самый факт: они поют. А могли ли петь дореволюционные подростки? Нет, товарищи, им было, прямо скажем, не до пения. Вспомним, как, склонив в тупом отчаянии бедную головушку, пишет письмо дедушке Ванька Жуков в изображении мастера пера А. П. Чехова. Угнетением подростка веет со страниц бессмертного произведения.

Первый тезис искусствоведческой диссертации успешно защищён: детям плохо жилось до революции. Поставив в тупик оппонентов, которым возразить на это будет нечего, Кочкин уверенно переходит к защите второго тезиса: детям в наше время живётся хорошо.

— Сажая деревца на пришкольных участках, наши детки тем самым готовятся к работе в садах районного и областного масштабов. И вот перед автором картины стояла сложная гамма задач: через показ русых и тёмных детских головок, отражённых бодрящей светотенью,— через всё это донести наш завтрашний день, а также упомянутые выше благородные идеи.

Перейдём к картине. Первопланная девочка с санитарной сумочкой, в беленьком фартучке и красненьких носочках решена на фоне бюста Чайковского. Санитарная сумочка напоминает о войне с её ужасами. Ненависть автора к агрессорам дана через сумочку. Чёрные бровки и такие же глазки второй первопланной девочки указывают на её украинское происхождение. Через дружеское объятие первопланных девочек отображена идея дружбы народов. Идея нашей счастливой жизни претворена путём показа воодушевлённых пением лиц отличников учёбы. Автор полагал, что упомянутые идеи лучше всего могут быть отображены именно через показ отличников. Бюст великого Чайковского символизирует расцвет искусства в нашей стране. Бюст смотрит на детей, дети — на бюст. Налицо связь бюста с детьми.

Кроме связи бюста с поющими отличниками, нужно было показать связь отличников с жизнью. Это было достигнуто путём введения открытого окна. Находка окна давала огромные возможности. В него можно было ввести: а) набережную Москвы-реки, с очевидностью указывающую, что дети учатся в столице, и б) силуэт высотного здания, намекающий на ждущий отличников университет.

Хотелось попутно обогатить картину ещё одной идеей — показать любовь к искусству, присущую нашим людям. Выход был найден путём внесения в картину и установки перед бюстом корзины цветов, указывающей на заботу детей о бюсте великого композитора.

Много творческих мук доставило автору решение образа учительницы. Сначала

автор думал отобразить её в скромном тёмном костюме, присущем работникам нашей школы. Но тёмное пятно дисгармонировало с жизнерадостной атмосферой поющих отличников. А что, если одеть учительницу в голубой жилет? Не смело ли это? Жилет или костюм? Так стоял вопрос, решённый в пользу жилета. Попутно решался вопрос пола. Паркет или линолеум? В результате был найден единственно возможный паркет, который вы и видите на картине. Начищенный до блеска, он говорит о том внимании, которым окружены дети в нашей стране.

Товарищи! Я не боюсь критики. Но если тут начнут говорить об отдельных ножках или там о колорите, то ведь не в этом суть. Надо помнить о богатом тематическом насыщении картины. Я кончил.

* * *

Слово берёт научный руководитель. Он стар и бережёт здоровье. Поэтому старается не волноваться, не спорить. Когда ему предложили быть научным руководителем Кочкина, он согласился. Отказываться ведь так хлопотно! Выступление престарелого руководителя лаконично. Он художник, говорить долго не умеет. Кроме того, за него говорят его учёные степени и звания, одно только перечисление которых занимает полстраницы машинописного текста.

Научный руководитель: — Товарищи! Пётр Андреевич Кочкин для своей картины выбрал прелестный сюжет. Сюжет жизнерадостен, он светел, он приятен, он мил. Он радует, этот сюжет. Веселит сердце. Пётр Андреевич мне сообщил, что девочки не придуманы. Они взяты из жизни. Это тоже радует, просветляет, утешает. Пётр Андреевич не очень силён в композиции. И в рисунке тоже. Рояль так стоять не может: непременно упадёт, и семь октав в него не поместятся. Учительница будто руку вывихнула. Но Пётр Андреевич всё это учтёт... Он мне обещал... Может быть, и найдутся зрители, которым картина понравится. Это радует и утешает... Сюжет очень светел, очень приятен, очень, очень мил...

* * *

Слово берёт оппонент, упитанный, седеющий мужчина. Говорит он долго. Это его профессия, ведь он искусствовед. Своими степенями и званиями, занимающими четверть страницы машинописного текста, он обязан не только своим учёным трудам, но и умению ладить с начальством и угадывать направление ветра. А ветер, по его мнению, благоприятствует аспиранту Кочкину...

Оппонент: — Товарищи! Можем ли мы присудить товарищу Кочкину за эту картину степень кандидата искусствоведения? Так стоит вопрос. Товарищ Кочкин почти два года потратил на создание картины. Это большой срок, большой труд. А труд заслуживает награды.

...Но... без критики мы не можем. Критика и самокритика — движущие законы нашего общества. И вот в порядке критики, надо заметить, что не всё радует в выступлении автора. Мы всегда должны помнить о горькой судьбе детей до революции. Но какое отношение это имеет к картине уважаемого диссертанта? Автором взят несколько далёкий калибр, далёкий... э-э... прицел. Но, с другой стороны, выступление автора нас искренне порадовало.

В журнале «Пантеон» за 19.. год я напал на картину «Хор монастырок». Этот экскурс в прошлое позволил мне иначе взглянуть на произведение диссертанта. Его работа тесно связана с традициями классиков. В самом деле! Тут поют, и там поют. Тут спевка, там хор. С другой стороны, картина принципиально нова. Там поют унылые монастырки, здесь — наши светлые дети. В картине, следовательно, налицо традиции, налицо новаторство.

Уважаемый диссертант несколько слаб в колорите. Ну и что ж из этого? Картина очень скромна, очень, я бы сказал, пристойна.

Не всё, не всё радует в картине! В фигурах есть манекенность, руки нехороши, ткань одежды не выписана. Но, с другой стороны, здесь показано наше время, время созидательного труда, время прекрасного творчества. Считаю, что диссертант достоин учёной степени.

* * *

Слово берёт второй оппонент, широкоплечий молодой мужчина. Он выгодно отличается от предыдущих ораторов тем, что произведение Кочкина ему искренне нравится. Перечисление степеней и званий этого оппонента занимает всего полстроки. Он кандидат искусствоведения.

Второй оппонент: — Товарищи! Что главное в картине? Какой есть критерий для оценки произведения искусства? Один критерий. Доходчивость. Так и надо ставить вопрос. Понятна эта картина? Понятна. Мне лично тут всё ясно. Это — наше время. Об этом говорят пионерские галстуки. Место тоже ясно: в окно мы видим набережную Москвы-реки. Высотное здание тоже говорит о нашем времени. И всё это типично. Поющих детей у нас много, высотных зданий тоже. Типичен ли для учительницы голубой жилет? Вот по этому вопросу у меня лично есть сомнения. Остальное ясно.

Тут говорили, что рояль какой-то не такой, и руки-ноги не так нарисованы, и с колоритом будто неблагополучно. Лично я воспринял эти замечания как эстетско-формалистические, как нездоровые замечания. Разве в этом дело? Дело в доходчивости, а она налицо. Кроме того, художник не пошёл по пути поисков мелких конфликтов, а дал оптимистический показ поющих детей. Художник не отобразил расхлябанный, плохой, нетипичный кружок, а отобразил передовых ребят, отличников. Лично я считаю, что вопрос ясен.

И вопрос действительно ясен. В награду за своё произведение аспирант Кочкин получает учёную степень кандидата искусствоведческих наук.

* * *

Ну и буйная фантазия у автора, скажет иной читатель и тем самым польстит автору. Мы ничего не придумали. Как это ни странно покажется свежему человеку, но аспиранты Московского художественного института действительно вместо диссертаций защищают собственные картины — часто плохие. Защита ведётся иногда на том уровне, который мы попытались здесь показать. И «связь бюста с детьми», и «первопланные девочки», и «отдельные ножки», и ссылки на Ваньку Жукова, и творческие муки по поводу паркета и костюма учительницы — всё это не выдумано нами. Мы старались быть как можно ближе к подлинным текстам подлинных выступлений, прозвучавших во время защит диссертаций в упомянутом институте.

Наталия ИЛЬИНА

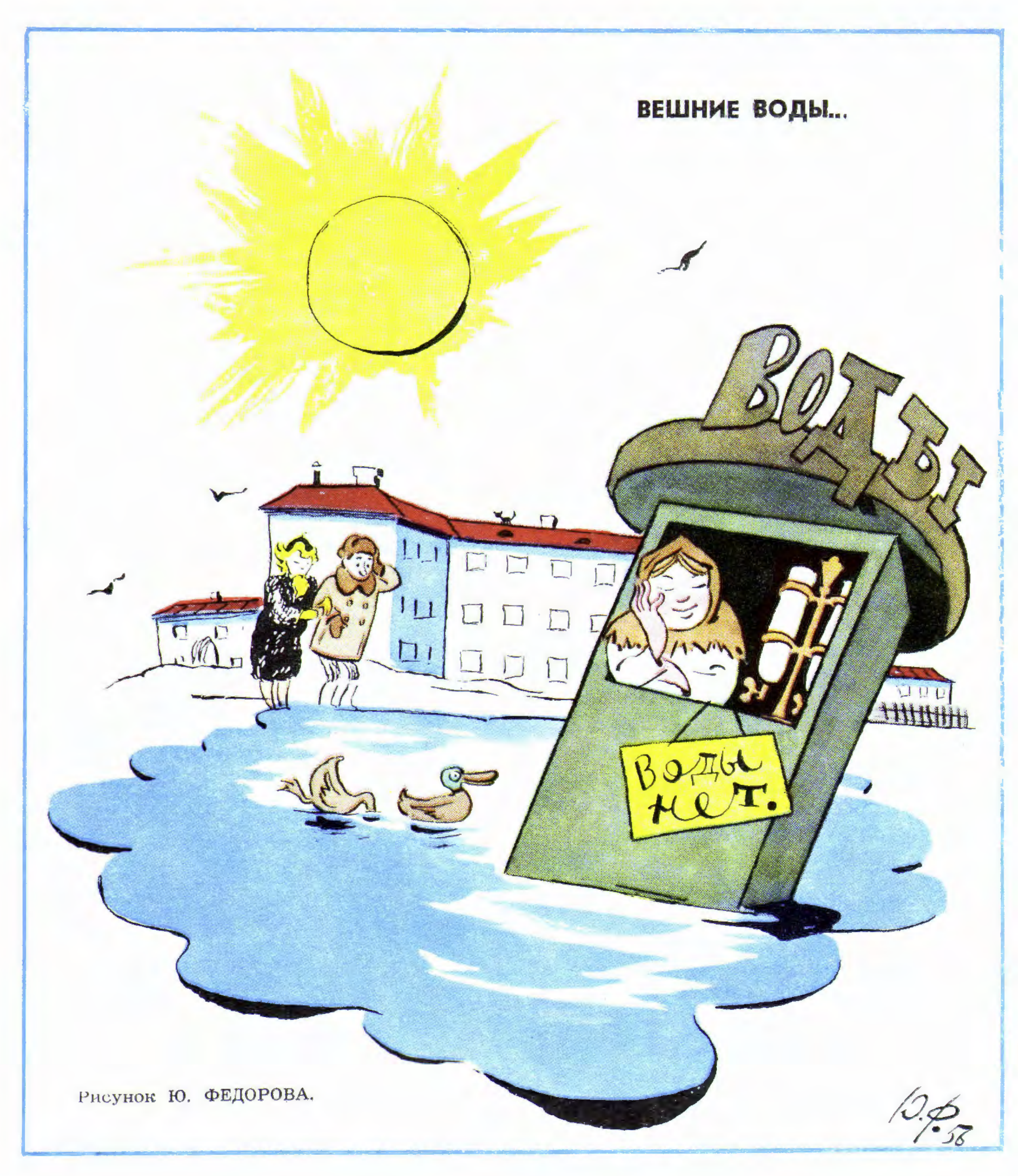
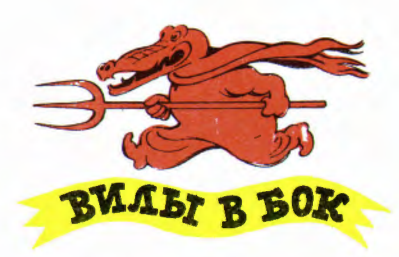

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ВЛАСТЬ НАД ВРЕМЕНЕМ

Библейское предание рассказывает об одном полководце, не успевшем управиться с боевыми делами до захода солнца. Оценив сложившуюся обстановку, полководец не растерялся и приказал: «Остановись, солнце!».

Не так давно в трудное положение попал председатель Шигонского райисполкома, Куйбышевской области, тов. Нестеров. Приобрёл он билеты в кинотеатр, а сессия в райисполкоме к началу сеанса не кончилась. Нестерову тоже бы воскликнуть: «Остановись, солнце!»,— но, поскольку небесные светила не входят в районную номенклатуру, ему пришлось прибегнуть к более прозаическому способу.

Культработники по его указанию попросту приостановили начавшийся киносеанс. А дабы зрители не скучали, их развлекали тем, что проверяли по нескольку раз билеты. Зрители же, пришедшие на следующий сеанс, уныло отплясывали на морозе чечётку.

И только через полтора часа в кинотеатр пожаловал сам тов. Нестеров, и сеанс был возобновлён.

Вот какую власть над временем имеет тов. Нестеров. Удивительно только то, что никто ещё не сказал ему: «Остановись, Нестеров!».

ПУТАНИЦА

Кто из маленьких читателей не знает весёлого стихотворения К. Чуковского «Путаница»— о том, как рыбы по полю гуляют, жабы по небу летают, мыши кошку изловили и т. д.? Знакомы с этим стихотворением также взрослые дяди и тёти с фабрики «Диафильм».

И вот, желая доставить удовольствие детям, на сей раз среднего школьного возраста, они выпустили диафильм «В стране вулканов», где река Лена произвольно меняет течение, а бобры свободно разгуливают по морю. Автор текста Ф. Флорич прямо указывает:

«5 июля 1737 года вверх по реке Лене поплыло парусное судёнышко... Неприветливо встретило море путешественников... В море Крашенинников наблюдал за жизнью морских животных: моржей, бобров, сивучей...»

Жаль, однако, что авторы текста ограничились констатацией наблюдений Крашенинникова, а сами не удосужились понаблюдать за впечатлением, которое производит на детей эта научно-популярная путаница.

«НЕВИДИМКИ» НА КОЛЕСАХ

Спросите на Алтайском тракторном заводе, сколько у них шофёров легковых автомашин? Вы услышите в ответ:

— О, у нас их видимо-невидимо!

И это сущая правда!

Одна за другой подкатывают к заводоуправлению легковые автомашины, и, разумеется, на каждой — шофёр. Их много! Двенадцать водителеединиц! Но это всё шофёры видимые. А есть на заводе и другие, невидимые...

Вот едет на работу начальник ЖКО завода тов. Колесник. Сам он машину не ведёт, шофёра ему по штату не положено. Управляет его машиной товарищ Столкова. Попробуйте найти в списках заводских рабочих шофёра Столкову. Не старайтесь! Вы найдёте Столкову,— рабочую цеха безрельсового транспорта.

А вот ещё три шофёра-«невидимки»: Гмыря, Носачев и Закутько. В ведомостях на получение зарплаты все они числятся рабочими экспериментального цеха.

В «объезд» штатного расписания действуют баранкой «слесарь седьмого разряда» Г. Ермошенко и его «собрат по резцу» тов. Абакумов.

Так на Алтайском тракторном заводе появились «невидимки».

И как легко! С помощью простого очковтирательства.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

— Меня ругают за неусидчивость, а ведь я уже второй год в одном классе сижу.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ КРОКОДИЛ!

Вот уже несколько лет Успенский район, Краснодарского края, испытывает довольно необычные трудности.

Кто мешает нормальной связи между районом и городом Армавиром?

Уруп.

Кто грозит всяческими осложнениями, когда успенские колхозы и совхозы начинают возить в Армавир хлеб для сдачи государству?

Уруп.

Кто препятствует доставке срочных грузов в район перед началом весенних полевых работ?

Всё он же, Уруп. Вернее, она же. Уруп — это речка, протекающая по территории Успенского района. И сейчас, между прочим, в связи с наступлением весеннего паводка, она твёрдо намерена прервать на два — три месяца наше автомобильное сообщение с Армавиром.

Есть, правда, очень простой и верный способ для преодоления своенравной стихии: привести наконец в порядок запущенный, безнадзорный мост через речку Уруп. Да вот беда: руководители Успенского райисполкома в этом лично не заинтересованы. Их административные маршруты пролегают далеко от злополучного моста. Им-то Уруп не помеха!

А. СПИРИДЕНКО,
секретарь партийного бюро Армавирского совхоза № 11.

Дорогой КРОКОДИЛ!

Не взыщи, если обнаружишь, что от моего письма плохо пахнет (в буквальном смысле слова). Этим неприятным химическим запахом пропитано всё в моей квартире и в квартирах ближайших домов. Тому причиной Московский научно-исследовательский витаминный институт, обитающий на углу Новокузнецкой улицы и Старо-Толмачевского переулка.

Не знаем доподлинно, какие проблемы разрабатывает этот институт, но густейшие миазмы и угольную пыль он вырабатывает в неимоверном количестве. Таким образом, известные поэтические строки: «Весна! Выставляется первая рама...» — имеют для нас, жильцов, особое и угрожающее значение.

Спору нет, наука о витаминах — вещь почтенная. Но значит ли это, что она может вести себя столь развязно в густо населённых городских кварталах? Иной раз и науку должен брать за бока санитарный надзор!

Г. ЛУНАРСКИЙ
Москва.

Уважаемый КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известно, что в нашем механизированном сельском хозяйстве нужны не только тракторы и комбайны, а ещё кое-какая нехитрая «техника»: например, вилы, совковые лопаты, гужи, чересседельники и прочее. Но попробуй-ка раздобыть эти необходимые предметы! Мы, работники подмосковного совхоза Шугарево, Михневского района, уже десятки раз обращались в Московскую базу «Россовхозснаба». Наконец в марте зав. базой тов. Чертков «расщедрился»: отпустил нам 10 штук вил.

— Помилуйте,— говорим,— этого нам недостаточно. Ведь у нас в полеводстве и на парниках 127 человек работают! Как же они поделят одну пару вил на двенадцать и семь десятых человека?

— А это — уж ваше дело,— отвечает тов. Чертков.— И на том скажите спасибо!

— Ну, а всё прочее: лопаты, гужи и тому подобное?

— Обо всём прочем и тому подобном и речи не может быть,— сказал тов. Чертков.

Что тут будешь делать! Поскольку все наши просьбы и к начальнику «Главроссовхозснаба» тов. Нутрецову остаются безрезультатными, решили мы обратиться к тебе, дорогой Крокодил: может, хоть ты нам свои вилы одолжишь!

Т. ЧЕНЫШЁВ,
председатель рабочего комитета,
Е. ДАНКОВА
Д. ФЕТИСОВ
и другие работники совхоза.

Совхоз Шугарево, Московской области.

Примечание Крокодила. Ввиду того, что конструкция моих вил не приспособлена для сельскохозяйственных работ, придётся, очевидно, использовать их по прямому назначению: побеспокоить некоторых ответственных работников Министерства совхозов РСФСР. А заодно и Министерства сельского хозяйства Дагестана. Судя по письму председателя колхоза «Красное знамя», Лакского района, тов. Гаджиева, в Министерстве никак не поймут, что для сельскохозяйственных работ в горных условиях необходимы лёгкие конные плуги, серпы, тяпки и прочий мелкий инвентарь.

В общем, инвентарь мелкий, а неприятности получаются крупные...

Крокодил помог

В № 5 журнала «Крокодил», в фельетоне «Лекция», рассказывалось об инструкторе Уильского райкома партии (Актюбинская область) тов. Калауове. Будучи членом районного отделения Общества по распространению политических и научных знаний, тов. Калауов в погоне за оплатой читал на отгонных пастбищах безграмотные лекции.

Вопрос о работе тов. Калауова обсуждался в Актюбинском областном комитете КП Казахстана, а также на IV областной конференции членов Общества.

Отдел пропаганды и агитации обкома партии и президиум областного отделения Общества принимают меры к установлению строгого контроля за качеством и содержанием лекций.

●

В том же номере была опубликована заметка «Вагон фантазии» — о том, как заместитель управляющего «Росснабсбытом» (г. Ростов) тов. Шешеловский отправил Волотовскому райкомхозу непроверенные сведения об отгрузке дизеля, в действительности не отгруженного, и тем самым вызвал длительные розыски этого дизеля.

Партийное собрание «Росснабсбыта» обсудило заметку и вынесло тов. Шешеловскому взыскание.

Административные взыскания наложены на сотрудницу Куликову и на старшего товароведа Луцкевич, которые послали Волотовскому райкомхозу непроверенный ответ.

●

В письме «Дорогой Крокодил», помещённом в № 5 журнала, инвалид Отечественной войны А. Членов писал о неисправном моторе, поставленном на его мотоколяску Серпуховским мотозаводом, и о невозможности добиться ремонта мотора.

В настоящее время заводом А. Членову отправлен новый мотор.

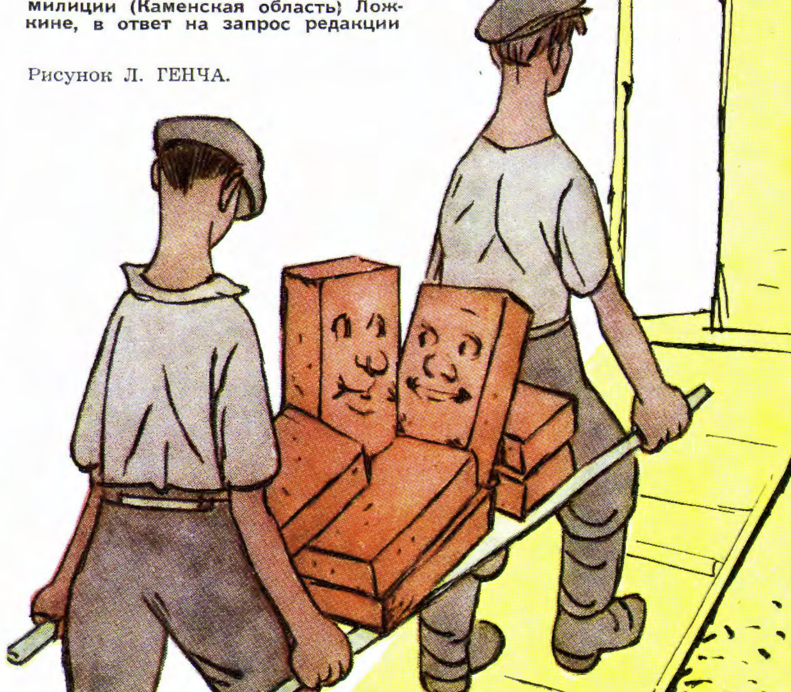
●

В № 6 журнала, в заметке «Парадоксальная лошадь», говорилось о милиционере Жужневе, в пьяном виде разбившем двуколку, и о начальнике Морозовского райотдела милиции (Каменская область) Ложкине, в ответ на запрос редакции газеты объяснившем этот случай «парадоксальной особенностью лошади».

Заметка обсуждалась районным отделом милиции. Милиционер Жужнев строго предупреждён. Стоимость поломанной двуколки с него взыскана.

Областным управлением милиции Ложкин снят с занимаемой должности и используется на менее ответственной работе.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Механизацию здесь не любят, зато нас на руках носят!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00387. Изд. № 273. Подписано к печати 29/III 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Заказ № 888. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ГАНФА.

— **В моей душе горит огонь любви к тебе, о прекрасная роза Ближнего Востока. Но для того, чтобы этот огонь горел подольше, отдай мне твоё горючее!**